

Вера
Николаевна
Фигнер

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ
ТРУД
(ТОМ 2)

RUGRAM

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ф49

Фигнер, В.Н.

Ф49 Запечатленный труд (Том 2)/ В.Н. Фигнер. — М. : RUGRAM, 2022. — 290 с. — (Навстречу революции).

ISBN 978-5-521-78178-2

Книжная серия «Навстречу революции» — издательский проект, нацеленный на составление современного, всеобъемлющего и наиболее широкого ряда произведений классиков отечественной политической и революционной мысли. Сегодня, оглядываясь на мыслителей прошлого, мы понимаем, что множество книг, легших в основу нашего представления о современности и об общественном укладе, не утратили своей остроты, актуальности и значимости — напротив, сегодня мы можем по-новому взглянуть на труды, выковавшие наш век, и оценить их значимость и вневременность.

Многие труды, выходящие в рамках издательского проекта, долгие годы были недоступны на книжном рынке; выросли поколения, не знающие имена и труды классиков. Задача серии «Навстречу революции» — дать возможность современному читателю ознакомиться и осмыслить классиков революционной мысли, а также понять их значимость для дня сегодняшнего.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

ISBN 978-5-521-78178-2

© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Оглавление

Глава первая. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ	5
Глава вторая. ПЕРВЫЕ ГОДЫ	16
Глава третья. РАССТРЕЛЫ	24
Глава четвертая. ТЮРЬМА ДАЕТ МНЕ ДРУГА	29
Глава пятая. КАРЦЕР (1887 год)	42
Глава шестая. БУМАГА (1887 год)	52
Глава седьмая. М. Ф. ГРАЧЕВСКИЙ	57
Глава восьмая. СМОТРИТЕЛЬ СОКОЛОВ	68
Глава девятая. ГОЛОДОВКА (1889 год)	75
Глава десятая. МАТЕРИНСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ	88
Глава одиннадцатая. КОМЕНДАНТ ГАНГАРДТ	96
Глава двенадцатая. Н. Д. ПОХИТОНОВ	103
Глава тринадцатая. ВЫХОДЯТ	114
Глава четырнадцатая. ПЯТЬ ТОВАРИЩЕЙ ПОКИДАЮТ НАС	125
Глава пятнадцатая. ЧАТОКУА	143
Глава шестнадцатая. ПЕРЕПИСКА (1897 год)	152
Глава семнадцатая. В. С. ПАНКРАТОВ (1864–1925)	158
Глава восемнадцатая. П. С. ПОЛИВАНОВ	162
Глава девятнадцатая. МАСТЕРСКИЕ И ОГОРОДЫ	167
Глава двадцатая. ПРОВОЛОЧНАЯ ПАУТИНКА	173
Глава двадцать первая. ПОСЕЩЕНИЯ САНОВНИКОВ	176
Глава двадцать вторая. КНИГИ И ЖУРНАЛЫ	189
Глава двадцать третья. НАШ ВЕНИАМИН	199
Глава двадцать четвертая. ЧЕРЕЗ 18 лет	208
Глава двадцать пятая. ПОГОНЫ	215

Глава двадцать шестая. ПОД УГРОЗОЙ	224
Глава двадцать седьмая. КАЗНЬ (1902 год)	232
Глава двадцать восьмая. НАРУШЕННОЕ СЛОВО	235
Глава двадцать девятая. СТРАХ ЖИЗНИ	239
Глава тридцатая. МАТЬ	244
Глава тридцать первая. НАКАНУНЕ	248
Глава тридцать вторая. СОЖЖЕННЫЕ ПИСЬМА	252
Глава тридцать третья. «ПОЛУНДРА»	255
Глава тридцать четвертая. ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ	263
ПРИЛОЖЕНИЯ	266
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ	287

Глава первая. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Утром 12 октября 1884 года в камере Петропавловской крепости было сумеречно, почти темно, когда в нее ворвался «присяжный», как называют отставных солдат, исполняющих наряду с жандармами внутреннюю службу в крепости. Это был самый злой стражник: седая крыса, которой надоели служба, обязанности, ответственность и сами заключенные, которых он сторожил, как цепная собака, целые десятки лет. Жизнь, должно быть, не баловала его, и теперь, старый, больной и ожесточенный, он срывал на ком мог свои претензии на судьбу.

Я запомнила его с первого раза. Как только меня привезли в крепость, прежде чем запереть дверь камеры, в которую я вступала как новичок, он сердито буркнул: «Здесь петь не полагается!» Я остоленела. Я и не думала петь. «Петь?! — сказала я. — Да кому же придет это в голову?!»

В самом деле, разве при вступлении в крепостные стены душа не была полна серьезных чувств и важных мыслей? Петь, вступая в эти стены, — разве это не было бы профанацией места, освященного страданиями многих поколений?!

Теперь, 12 октября 1884 года, ворвавшись в камеру, когда я была еще в постели, он со злостью поставил на пол пару громадных валенок, а на кровать бросил нагольный полушубок и сердито прошипел:

— Вставайте! Скорее вставайте! Да теплее одевайтесь!

«Что такое? Что со мной будут делать?» — думала я. С тех пор как меня арестовали, сию же минуту я почувствовала, что уже не принадлежу себе. С тех пор я уже не спрашивала себя, что я буду делать, но всегда — что со мной будут делать. Ведь потерять свободу — именно значит потерять право собственности на свое тело. {3}

«Что со мной будут делать? Что?» — размышляла я и быстро кончала туалет каторжанки. Он был немногосложен: онучи и ко-ты; старая, грязная, вся изъеденная молью юбка солдатского сукна; пропитанный чьим-то потом арестантский халат и белый холщовый платок на голову. Мыла уже 10 дней не было; гребенки, зубного порошка и щетки тоже осужденной не полагалось.

...И все время мысль: что «они» со мной сделают? Быть может, повезут казнить?.. Но ведь всего три дня назад мне объявили о помиловании, и старый комендант торжественно провозгласил: «На каторгу без срока».

Но у меня за два года полного одиночества в голове что-то путалось: реальное стусевывалось... возможное и невозможное странно перемещались, и невозможное казалось как будто бы возможным...

Что же, быть может, и казнят? Или казнить будут не меня, а товарищей, а меня поставят рядом, чтоб я видела и испытала. Почему же нет? Ведь было же так с Достоевским и другими!.. 1 Отчего бы не повториться!..

Но почему же «присяжный» сказал: «Одевайтесь теплее!» Значит, повезут куда-то, повезут далеко, и будет холодно. Но куда же, куда?!

На большую площадь, залитую народом и где стоит эшафот?.. Или в Сибирь? Посадят в сани между двумя жандармами, и мы помчимся от Петербурга до рудников Кары, где находятся женщины, осужденные раньше...2

...На дворе стояла осень, и еще накануне снега не было, но валенки и шуба рисовали непременно снежную равнину, сани и тройку...

В сопровождении жандармов я прошла коридор, и мы спустились по лестнице в комнату перед кордегардией 3. Там у стола стоял смотритель в своей тужурке, а подле окна спиной ко мне какой-то человек, плотный и приземистый, в штатском.

— Дайте руку! — сказал смотритель.

Я протянула, ничего не понимая.

Мгновенно человек в темном повернулся ко мне и осторожно взял на минуту мою руку, как берет доктор, щупая пульс.

«Что такое? — подумала я. — Вероятно, это фельдшер! Зачем он? Зачем им мой пульс? Неужели пред-^{4}стоит что-нибудь такое, от чего я могу упасть в обморок!..» Темная, невероятная мысль мелькнула. И я почувствовала, как сердце в груди начало биться все медленнее... Я собрала все силы...

А предполагаемый фельдшер снова повернулся к окну спиной ко мне.

И опять смотритель говорит:

— Дайте руки!

В тот же момент черный субъект стоит лицом к лицу со мной, и в руках у него кольчатая цепь! Страх перед неизвестным сменился яростью перед реальным.

Бешенство неудержимое охватило меня: «Как! Я, свободная личность! И на меня наденут цепь — эту эмблему рабства!.. Этой цепью хотят сковать мою мысль, мою волю!..»

Вся кровь хлынула куда-то, и в гневе, вся дрожа, я топнула ногой, и, в то время как руки мои связывали, я заговорила с жаром, обращаясь к смотрителю:

— Скажите моей матери!.. Скажите ей, что, что бы со мной ни делали, я останусь все той же!..

— Хорошо, хорошо! — забормотал зритель почти в испуге.

— И еще скажите, чтоб она не горевала: если будут книги и я хоть что-нибудь буду знать о ней, то большего мне не надо.

— Хорошо! Все скажу... все скажу! — бормотал в смущении зритель.

Мы прошли сквозь строй солдат, вытянувшихся в кордегардии, и вышли в маленький дворик. По ту сторону решетки, отделяющей Трубецкой бастион от крепостной площади, стояла карета, а подле нее — в шинелях два вооруженных жандарма. Проходя те несколько шагов, которые отделяли меня от кареты, я увидела одного из «присяжных» — самого веселого и самого добродушного. Это был малый небольшого роста, с медно-красным лицом и рыжеватой растительностью. Большой шрам пересекал его щеку подле левого глаза вплоть до виска. И всегда-то он смотрел на меня ласково и улыбался. Он как будто говорил этим: «Эх, бабынька! Все-то вы худеете, все-то вы бледнеете! Да полно же! Ну, {5} право, в жизни есть и радости!..» И мне становилось легче в моем одиночестве.

Теперь, видимо нарочно, он стал на пути: его лицо было серьезно и печально. Наши глаза встретились, и горло мое сжалось — добряк смотрел на меня с таким состраданием!.. «О, не плачь... не вздумай заплакать, Вера! Расплакаться в такую минуту — прямо позорно!» — уговаривала я себя... Но как я была тронута, как тронута!.. Этот взгляд я унесла с собой в живую могилу, и там он служил мне утешением: простой русский человек, солдатик, который добросовестно стерег меня, душою был со мной!.. Он мне сочувствовал, он меня жалел!.. Он был последним и единственным, который проводил меня, и проводил лаской, на новую, как ночь темную жизнь...

— Куда меня везут? — спросила я смотрителя, когда мы сели в карету.

— Не знаю, — сказал он.

Мы повернули из крепости направо, вдоль набережной Невы. Минуты казались часами... Но вот карета остановилась; мы вышли. Передо мной были маленькие сходни и пароход. На нем не было видно ни души.

Жандармы подхватили меня и почти перенесли на палубу. Затем мы спустились в каюту, окна которой были тщательно закрыты занавесками. Пароход двинулся и шел... шел...

Часа через два-три пришел офицер. Спрашивает, не хочу ли я есть.

— Нет!

Опять приходит. Спрашивает, не хочу ли чая.

Отвечаю сурово: «Нет!»

Пусть не подходит. Пусть не спрашивает. Я хочу молчать. Я должна молчать. Я не могу слышать свой собственный голос... За 20 месяцев полного одиночества, когда приходилось говорить лишь раз в две недели, когда на 20 минут приходили мать и сестра, этот несчастный голос так изменился: стал так тонок, так жалобен и звонок... Он звучал предательски — он выдавал меня.

А пароход все шел куда-то, шел и уносил меня в неизвестное. {6}

Сначала я думала: не на уединенную ли пристань какую? А с нее, быть может, на железную дорогу или в повозку...

Шлиссельбургская крепость. Вид с юго-восточной стороны.¹

Конец XIX века

Или в Кексгольм? Я слышала что-то об этой крепости в Финляндии.

¹ Здесь и далее в рамку помещены надписи под фотографиями, отсутствующими в данном файле. — Ю. Ш.

Не в Шлиссельбург ли? В Петропавловской крепости я прочла в книге, что там для народовольцев выстроена тюрьма на 40 человек, и на суде один из товарищей прокричал: «Всех нас — в Шлиссельбург!»

Часов через пять пароход куда-то пристал.

Жандармы зашевелились и сказали:

— Наверх!

Там быстро и крепко, словно железными тисками, они схватили меня за руки, снесли на землю и повели.

...Впереди стояли белые стены и белые башни из известняка. Вверху на высоком шпице блестел золотой ключ.

Сомнения не было — то был Шлиссельбург 4. И вознесенный к небу ключ, словно эмблема, говорил, что выхода не будет. {7}

Двуглавый орел распустил крылья, осеняя вход в крепость, а выветрившаяся надпись гласила: «Государева»... И было что-то мстительное, личное в этом слове, что больно кольнуло.

В сопровождении целой толпы каких-то людей, о которых я гораздо позднее сообразила, что это были офицеры, жандармы и солдаты, мы прошли в ворота. И тут я увидела нечто совсем неожиданное.

То была какая-то идиллия. Дачное место? Земледельческая колония? Что-то в этом роде — тихое, простое...

Налево — длинное белое двухэтажное здание, которое могло быть институтом, но было казармой... Направо — несколько отдельных домов, таких белых, славных, с садиками около каждого, а в промежутке — обширный луг с кустами и купами деревьев. Листва теперь уже опала, но как, должно быть, хорошо тут летом, когда кругом все зеленеет! А в конце — белая церковь с золотым крестом. И говорит она о чем-то мирном, тихом и напоминает родную деревню.